

**И.С. Чалых****ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ  
СУБЪЕКТИВНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ**

В настоящее время экологическая составляющая стала одним из приоритетных направлений в жизнедеятельности общества и государства. Это обусловлено, в частности, переходом к глобальному пониманию и осознанию экологии в качестве базового и необходимого элемента существования и деятельности человека, который находится с нею в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, а также общества и государства, регулирующих такие связи. По этому поводу считаем необходимым привести позицию О.С. Колбасова: «человечество исходит из того общепризнанного факта, что между обществом и природой существует постоянная взаимозависимость. С одной стороны, качество окружающей природной среды зависит от характера и масштабов человеческого (антропогенного) воздействия, а с другой – сама жизнь и благополучие всех людей на Земле зависят от качественного состояния природной среды»<sup>1</sup>.

На наш взгляд, в современной юридической науке основной формой выражения значимости экологии для человека являются его экологические права, признаваемые и закрепляемые на международном и национальном уровнях. Следуя общемировой практике, такие права нередко находят отражение в базовых законах современных государств, а свое дальнейшее уточнение получают в текущем законодательстве. В данной связи экологические права подвергаются исследованию и конституционно-правовой, и отраслевыми науками, где первой заслуженно принадлежит ведущая роль в установлении их понятия, структуры и содержания. Основываясь на данных положениях, а также с учетом заявленной проблемы исследования экологические права определены предметом рассмотрения именно с конституционно-правовых позиций.

Уточним, что интерес к заявленной группе прав занимает особое место в юридической науке. Как отмечает И.С. Назарова, «экология

---

<sup>1</sup> Колбасов О.С. Окружающая среда и право // Правовая охрана окружающей среды при социализме. – М.: Институт государства и права АН СССР, 1984. – С. 25.

играет важнейшую роль в обеспечении права на жизнь. Из-за несоответствия показателей среды обитания человека необходимым биологическим критериям выживания фактически теряется смысл в существовании иных прав человека – личных, политических, экономических, поскольку носителем последних может быть только живой индивид. Из основных прав человека вытекают экологические права»<sup>2</sup>. В свою очередь О.Л. Дубовик определяет экологические права как совокупность закрепленных в международных актах, конституции государства, специальном экологическом и смежном с ним законодательстве прав индивида, т.е. человека и гражданина, реализуемых в процессе взаимодействия с окружающей средой и обеспечивающих удовлетворение его основных потребностей в этой сфере<sup>3</sup>. Иные авторы понимают экологические права человека как признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение его потребностей в процессе взаимодействия с природной средой<sup>4</sup>.

По нашему мнению, категорию экологических прав следует рассматривать с позиций их комплексного закрепления на международном и национальном уровнях, а также наличия статуса основополагающих, базовых. В данном случае речь будет идти об экологических правах человека.

В свою очередь категория экологических прав человека и гражданина в большей степени относится к национальному уровню отражения и регулирования (в силу специфики статуса гражданина как обладателя таких прав). В качестве обоснования представим точку зрения, согласно которой права человека и гражданина в сфере экологии есть система закрепленных в нормативных правовых актах возможностей человека в области взаимодействия с окружающей средой, которые обеспечиваются государством<sup>5</sup>.

В данной связи понятие экологических прав человека сужается до границ отдельного государства и представляется как важнейший

---

<sup>2</sup> Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно-правовое преломление // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9.

<sup>3</sup> См.: Дубовик О.Л. Экологическое право в вопросах и ответах. – М.: Проспект, 2001. – С. 51.

<sup>4</sup> См.: Исмаилова Э.Ю., Трунцевский Ю.В., Савич Н.Е. Экологическое право. – М., 2003. – С. 23.

<sup>5</sup> См.: Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно-правовое преломление // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9.

институт конституционного строя<sup>6</sup>. При этом включение данных прав в основной закон государства наделяет их характером конституционных.

Как отмечает И.С. Назарова, условно конституционные права (человека и гражданина) в сфере экологии подразделяются на основные и дополнительные возможности человека в области его взаимодействия с окружающей средой<sup>7</sup>. В целом солидаризируясь с указанной позицией, уточним, что в комплексе конституционных экологических прав целесообразно выделять базовые и иные, производные, права человека и гражданина в сфере экологии.

Наше внимание направлено, в первую очередь, на рассмотрение базовых экологических прав человека и гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации. В данной связи представляется необходимым обратиться к определению указанной категории прав относительно настоящего исследования. С указанных позиций, избегая громоздкие и многозначные правовые конструкции, нами в качестве определяющего понятия предлагается использовать конструкцию «субъективные экологические права».

Отметим, что вопрос о субъективном характере конституционных прав активно обсуждается в научной среде до сих пор. Как указывает Н.В. Витрук, ряд ученых относят все конституционные права граждан к субъективным правам (С.С. Алексеев, Л.Д. Воеводин, Н.И. Матузов, В.А. Патюлин, И.Е. Фарбер и др.), другие же считают, что не каждое право можно признать субъективным. Субъективное право – это наличное право, которым гражданин обладает реально (Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина, Д.М. Чечот и др.)<sup>8</sup>. При этом автор не занимает кардинальной позиции в данном вопросе и соотносит субъективные характеристики конституционных прав граждан с правовым положением личности как часть и общее.

В свою очередь Л.Д. Воеводин под конституционными правами и свободами понимает «закрепленные в Конституции и гарантированные государством возможности, позволяющие каждому человеку и гражданину свободно и самостоятельно... пользоваться

<sup>6</sup> Большой юридический словарь // <http://www.slovari.yandex.ru>

<sup>7</sup> См.: Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно-правовое преломление // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9.

<sup>8</sup> См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. – М: Норма, 2008. – С. 18.

предоставленными ему социальными благами как в личных, так и в общественных интересах»<sup>9</sup>. В данном определении четко прослеживаются два основных критерия отнесения прав и свобод к конституционным: формально-юридический (по источнику закрепления) и содержательный (базовые, основополагающие права и свободы). Следовательно, конституционные права и свободы можно рассматривать с двух позиций: как часть прав человека вообще и совокупность конституционно-правовых норм.

Данный подход позволяет исследовать категорию «конституционные права и свободы человека и гражданина» и как часть субъективного права, и как часть объективного права. Но, в то же время, и как единство того и другого<sup>10</sup>. На этом в своих исследованиях также делал акцент Л.Д. Воеводин<sup>11</sup>.

Помимо указанного, в Конституции России (ст.ст. 17, 18, 46) закреплены признаки, характеризующие основные права и свободы как субъективные. То есть, помимо объективной формы существования, им присущ субъективный характер, выраженный в непосредственной и объективной реализации таких прав, направленной на удовлетворение одной из высших социальных ценностей или потребностей, исходящих из природы человека, либо сформировавшихся в процессе общественного развития<sup>12</sup>.

При этом конституционные права и свободы имеют прямое действие, а адресуются и общности людей, и каждому конкретному субъекту. Данный факт подтверждает, что конституционные права носят личный, т.е. субъективный характер. В данном качестве права человека определяются как «субъективные права, выражающие не потенциальные, а реальные возможности индивида, закрепленные в конституциях и законах»<sup>13</sup>.

Одной из основных задач объективного (позитивного) права является установление субъектов (обладателей) права. В частности, Конституция России гласит, что каждый ее гражданин обладает на ее

---

<sup>9</sup> Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 135.

<sup>10</sup> См.: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 14.

<sup>11</sup> См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С.152-153.

<sup>12</sup> Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996. – С. 28.

<sup>13</sup> Цит. по: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 18.

территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией (ч. 2 ст. 6). Субъектом почти всех провозглашенных в гл. 2 Основного закона прав и свобод является каждый гражданин. При этом субъектами прав и свобод могут являться также иностранцы, лица без гражданства, т.е. отдельные частные лица (физические лица)<sup>14</sup>.

Солидаризируясь с вышеуказанным, отметим, что по нашему мнению, категория субъективного права «отделена» от категории объективного (общего) права, означает принадлежность определенного права (правомочия) нормативно установленному субъекту (человеку, гражданину), в связи с чем конституционно закрепленные права человека и гражданина можно определять через понятие субъективных прав.

Отметим, что включение комплекса прав во вторую главу Конституции Российской Федерации определяет их как основные, базовые права человека и гражданина. Следовательно, положения о субъективности конституционных прав относимы к экологическим правам, закрепленным в Основном законе российского государства. Указанные позиции позволяют в рамках настоящего исследования использовать для идентификации данной категории прав понятие «субъективные экологические права». Уточним, что указанной категорией охватываются базовые экологические права человека и гражданина, включенные в ст. 42 Конституции РФ. В свою очередь права в сфере экологии, отраженные в других ее положениях, рассматриваются нами как производные экологические права.

Отмеченные позиции позволяют выделить такое направление исследования субъективных экологических прав, как понятийно-структурное. Так, действующая Конституция России в ст. 42 закрепила взаимосвязанный комплекс субъективных экологических прав: на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу человека экологическим правонарушением. Такой подход, как представляется, позволяет судить о структуре субъективных

---

<sup>14</sup> См.: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 19.

экологических прав. В данной связи следует признать логичным осуществление понятийного анализа каждого субъективного права конституционной триады.

Уточним, что к установлению содержания экологических прав человека и гражданина в науке неоднократно обращались. Так, анализ нормативных<sup>15</sup> и доктринальных<sup>16</sup> источников показал, что центральным звеном экологических прав человека и гражданина выступает право на благоприятную окружающую среду, а интерпретация его понятия и содержания варьируется в зависимости от направлений исследований в разнопрофильных научных сферах, включая правовые.

На наш взгляд, сущность заявленного субъективного права и специфика его обеспечения также опосредованы понятием «благоприятная окружающая среда». К его анализу обращаются представители различных отраслей права, предлагая с позиций значимости данной среды для живущего и грядущего поколений подходы по разработке адекватных мер государственного регулирования<sup>17</sup>. В частности, О.К. Алиев отмечает, что в Основном законе России право на благоприятную окружающую среду сформулировано более удачно по сравнению с конституциями некоторых субъектов и стран ближнего зарубежья, с точки зрения интересов человека<sup>18</sup>. При этом определение понятие «благоприятная окружающая среда» до сих пор остается предметом научных дискуссий.

В нашем государстве легальное определение данного понятия закреплено в Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды»: благоприятная окружающая среда – это окружающая среда, качество которой обеспечивает устойчивое функционирование естественных экологических систем, природных и

---

<sup>15</sup> См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января; Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с посл. изм. от 27 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133; [www.garant.ru](http://www.garant.ru)

<sup>16</sup> См., напр.: Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2004. – С. 140; Васильева М.И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. – 2005. – № 1.

<sup>17</sup> См., напр.: Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права // Журнал российского права. – 2008. – № 9; Васильева М.И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. – 2005. – № 1.

<sup>18</sup> См.: Алиев О.К. Конституционные основы охраны окружающей природной среды и природопользования: характеристика, проблемы, тенденции // Юрист. – 2007. – № 4.

природно-антропогенных объектов<sup>19</sup>. Однако ряд ученых признает его многозначным, неконкретным и предлагает авторские позиции по данному вопросу. К примеру, Б.Н. Топорнин одним из критериев права на благоприятную окружающую среду определяет качество окружающей среды<sup>20</sup>, а О.К. Алиев понимает под такими критериями систему нормативов охраны окружающей среды и лимитов природопользования<sup>21</sup>. В свою очередь М.М. Бринчук предлагает определять благоприятную окружающую среду через характеристику не качества, а состояния<sup>22</sup>, в понятие которого включаются как качественные, так и количественные характеристики. При этом последние не учтены в легальном определении понятия благоприятной окружающей среды.

Относительно оптимизации законодательного определения благоприятной окружающей среды имеются и иные доктринальные разработки: «благоприятная окружающая среда – окружающая среда, состояние которой соответствует установленным в экологическом законодательстве требованиям и нормативам, касающимся незагрязненности, неистощимости, экологической устойчивости, видового разнообразия и эстетического богатства, обеспечивающая нормальную жизнь, здоровье и другие интересы человека»<sup>23</sup>. В целом можно определить предлагаемую позицию вполне состоятельной и адекватной современной действительности, что позволяет применить ее в процессе интерпретации права на благоприятную окружающую среду. Ведь непосредственно реализуя данное субъективное экологическое право, человек может удовлетворить не только личные потребности, но и иные, непосредственно с ними не связанные. Такие составляющие благоприятной окружающей среды, как экологическая устойчивость, видовое разнообразие, в целом, выходят за пределы личных потребностей человека, но создают общее состояние

---

<sup>19</sup> Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с посл. изм. от 27 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133; [www.garant.ru](http://www.garant.ru)

<sup>20</sup> См.: Топорнин Б.Н. Вступительная статья // Конституция Российской Федерации. Комментарий. – М., 1994. – С. 63.

<sup>21</sup> См.: Алиев О.К. Конституционные основы охраны окружающей природной среды и природопользования: характеристика, проблемы, тенденции // Юрист. – 2007. – № 4.

<sup>22</sup> См.: Бринчук М.М. Теоретические основы экологических прав граждан // Государство и право. – 2004. – № 5.

<sup>23</sup> Там же.

«благоприятности», без которого невозможно осуществление рассматриваемого субъективного права в полной мере.

Отметим, что существуют противоположные позиции ученых, отрицающие самостоятельность права человека на благоприятную окружающую среду. Так, А.А. Третьякова отмечает, что данного права, установления которого так долго добивались советские ученые-экологи, может и не быть. При этом человек от его отсутствия совсем не пострадает<sup>24</sup>. Указанный тезис автор подтверждает тем, что не во всех конституциях иностранных государств установлено право на благоприятную окружающую среду.

Здесь стоит уточнить, что «государство, социально ответственное и осознающее важность обеспечения охраны природы, само заинтересовано в предоставлении гражданам права на благоприятную окружающую среду. Признав такое право, государство может рассчитывать на то, что граждане будут стремиться его реализовывать, будут заявлять претензии другим субъектам экологического права по поводу его несоблюдения и тем самым будут помогать ему в осуществлении экологической функции, присущей каждому современному государству»<sup>25</sup>. Данная позиция представляется верной, ибо закрепление субъективного экологического права в Базовом законе государства создает значимую нормативную основу его осуществления каждым человеком.

Следующим элементом структуры субъективных экологических прав, закрепленных в Конституции Российской Федерации, является право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ст. 42).

На современном этапе развития человечества прослеживается тенденция к возрастанию роли информации. Как верно отмечается в литературе, «в нынешних условиях наивысшего уровня цивилизации достигает то государство, которое будет располагать наиболее качественной информацией, осваивать ее быстрее, в большем объеме и эффективнее использовать для достижения

---

<sup>24</sup> См.: Третьякова А.А. Экологические права граждан по законодательству государств – членов Европейского союза. – М., 2003. – С. 19.

<sup>25</sup> Бринчук М.М. Благоприятная окружающая среда – важнейшая категория права // Журнал российского права. – 2008. – № 9.



общечеловеческих ценностей»<sup>26</sup>. Такая позиция вполне относима и к информации о состоянии окружающей среды как элементу указанного субъективного экологического права: если общество, государство обладает высоким уровнем информатизации, то повышается и эффективность разрешения возникающих проблем в сфере экологии. В данной связи закрепление на высшем государственном уровне права на информацию о состоянии окружающей среды приобретает несомненную актуальность.

В частности, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации<sup>27</sup> в качестве первой составляющей национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере называет соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею. Согласно данному документу, для достижения поставленной цели требуется, прежде всего, обеспечить реализацию конституционного права человека и гражданина свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, в том числе, получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды. Исследуемая составляющая субъективного экологического права, закрепленного в ст. 42 Конституции Российской Федерации, получила уточнение и в Федеральном законе Российской Федерации «Об охране окружающей среды» (ст. 3). В свою очередь в Федеральном законе Российской Федерации «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»<sup>28</sup> наличествует определение информации в целом, под которой понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Однако ни в одном из указанных выше источников не закреплено определение понятия рассматриваемого вида (экологической) информации, что не позволяет дать праву на достоверную информацию о состоянии окружающей среды однозначной трактовки с нормативных позиций.

---

<sup>26</sup> Черных А.В. Обеспечение безопасности автоматизированных информационных систем // Советское государство и право. – 1980. – № 6. – С. 116.

<sup>27</sup> Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президентом Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Российская газета. – 2000, 28 сентября.

<sup>28</sup> Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. – 2006, 29 июля.

При этом концептуально-теоретический аспект экологической информации находится в центре внимания отечественных ученых. К примеру, М.М. Бринчук к такому виду информации относит сведения: о состоянии воды, воздуха, фауны, флоры, земли, почвы, недр, природных ландшафтов и комплексов; об экологической угрозе или риске для здоровья и жизни людей; о химических, физических и биологических воздействиях на состояние окружающей среды и их источниках; о деятельности, отрицательно влияющей и могущей повлиять на природные объекты и человека; о мерах по охране окружающей среды, в том числе, правовых; о деятельности государственных органов, юридических лиц и граждан-предпринимателей в сфере распоряжения природными ресурсами, природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения соблюдения и защиты экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц, если необходимость такой деятельности установлена российским законодательством<sup>29</sup>.

Нами же в большей степени поддерживается позиция Д.С. Велиевой, согласно которой под экологической информацией следует понимать «сведения об окружающей человека среде, о деятельности, негативно влияющей (или могущей влиять) на окружающую среду и организм (здоровье) человека, а также сведения о мерах по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, о соблюдении и защите экологических прав граждан»<sup>30</sup>.

Учитывая, что понятие информации о состоянии окружающей среды, являющегося основой закрепленного в ст. 42 Конституции России субъективного экологического права, соотносится с понятием экологической информации как целое и часть, представляется адекватным широкое понимание права на информацию о состоянии окружающей среды как права на получение достоверных сведений об окружающей человека среде, о деятельности, негативно влияющей (или могущей влиять) на окружающую среду и организм (здоровье) человека.

---

<sup>29</sup> См.: Бринчук М.М. Экологическое право (право окружающей среды). – М., 1998. – С. 248.

<sup>30</sup> Велиева Д.С. Экологическая информация: проблемы дефиниции и дифференциации // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 18.

Отдельно следует сказать и о таком критерии рассматриваемого субъективного права, как достоверность экологической информации. Не вдаваясь в длительную дискуссию о характере и содержании данной качественной характеристики, отметим, что до сих пор вопрос о достоверности предоставляемой информации о состоянии окружающей среды (и иной экологической информации) остается открытым. К примеру, именно вскрывшаяся неточность, а точнее – прямая дезинформация населения г. Чапаевска (Россия) в 1989 г. о назначении строящегося объекта (как оказалось, завода по уничтожению химического оружия), привела к «социальному взрыву», а в итоге – к закрытию уже построенного объекта с соответствующими экономическими последствиями<sup>31</sup>.

В свою очередь М.М. Бринчук подчеркивает, что «теоретическое и практическое значение регулирования права граждан на экологическую информацию состоит в том, что реализация данного права человеком и гражданином служит необходимым средством достижения ряда целей: обеспечения права на благоприятную окружающую среду, участие в процедурах подготовки и принятия экологически значимых решений, защиты экологических прав и др.»<sup>32</sup>. Дополнить указанную мысль можно тем, что наличие в государстве открытого информационного пространства в сфере экологии является залогом обеспечения субъективных экологических прав и законных интересов человека и гражданина, общества в целом.

Третьим элементом структуры субъективных экологических прав, согласно ст. 42 Конституции Российской Федерации, является право на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Отметим, что здесь не возникает множественности толкований и научных дискуссий. Указанное право носит в целом характер направления реализации права на возмещение вреда в конкретно-негативной экологической ситуации и содержательно раскрывается в текущем законодательстве.

Так, в Российской Федерации ответственность за правонарушения в сфере экологии и, как следствие, обязанность

---

<sup>31</sup> См.: Пицунова О. Реализация экологических прав граждан и роль общественных организаций // <http://www.wildfield.ru>

<sup>32</sup> Бринчук М.М. Экологические права человека в условиях глобализации // Права человека и процессы глобализации современного мира. – М., 2005. – С. 176.

возмещения причиненного ущерба нашли отражение в большинстве самостоятельных отраслей права и законодательства. Соответствующие нормы закреплены в кодексах (Уголовном<sup>33</sup>, об административных правонарушениях<sup>34</sup>, Гражданском<sup>35</sup>), ряде узкоспециализированных кодифицированных актов и законов экологической направленности (к примеру, Лесной кодекс Российской Федерации<sup>36</sup>), иных законодательных и подзаконных актах.

Следует дополнить, соглашаясь с позицией А.П. Анисимова, что в настоящее время имеет место демонстративная практика реализации гражданами и их объединениями субъективного права на возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением, посредством обращения в суды общей юрисдикции и Конституционный Суд Российской Федерации. Также в данном ключе наличествует опыт обращений российских граждан за защитой нарушенных субъективных экологических прав в Европейский Суд по правам человека (на основании присоединения России к Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.)<sup>37</sup>.

Ввиду разноаспектности, но достаточной, по нашему мнению, определенности права на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, представляется обоснованным не акцентировать внимание на понятийном аспекте указанного права, ибо возмещение такого вреда можно признать принципиальной позицией большинства современных цивилизованных государств, а объем настоящего исследования не позволяет в полной мере раскрыть все особенности данного субъективного экологического права.

Завершая этап понятийно-структурного анализа субъективных экологических прав, отметим следующее: несмотря на распространенное мнение о том, что конституционные права в

<sup>33</sup> Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. от 27 июля 2010 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; [www.garant.ru](http://www.garant.ru)

<sup>34</sup> Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с посл. изм. от 27 июля 2010 г.) // Российская газета. – 2001, 31 декабря; [www.garant.ru](http://www.garant.ru)

<sup>35</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. от 8 июня 2010 г.) // Российская газета. – 1994, 8 декабря; [www.garant.ru](http://www.garant.ru)

<sup>36</sup> Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (с посл. изм. от 22 июля 2010 г.) // Российская газета. – 2006, 8 декабря; [www.garant.ru](http://www.garant.ru)

<sup>37</sup> См.: Анисимов А.П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Гражданин и право. – 2009. – № 2.

области экологии закреплены только в одной статье Конституции Российской Федерации (ст. 42), весьма обоснованно выглядит тезис о том, что Основной закон российского государства устанавливает целый ряд прав и свобод, которые дополняют указанные права человека. К ним можно отнести право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; право граждан, их объединений иметь в частной собственности землю<sup>38</sup>. Следовательно, исследуемые нами субъективные экологические права в конкретных жизненных ситуациях могут дополняться и сами выступать дополнением иных субъективных прав, закрепленных в российской Конституции.

Уточним, что данная категория прав в большей степени подвержена доктринальной разработке со стороны ученых-экологов, нежели конституционалистов. Поэтому предлагается осуществить анализ их юридического содержания с общеправовых позиций, а впоследствии выявить соответствующие особенности применительно к отдельным субъективным экологическим правам.

Поддерживая точку зрения Л.Н. Федоровой, отметим, что права человека как особый вид субъективных прав, имеют формально схожую с ними и внутреннюю структуру. При этом структура тесно связана с содержанием, поэтому элементами структуры прав человека выступают не конкретные политические, социальные, культурные и иные условия, а их юридическая форма – правомочия. В частности, в научной литературе наиболее распространенным является определение содержания субъективных прав через правомочия, которые происходят из идеи, заключенной в том или ином основном праве<sup>39</sup>.

Не менее важным компонентом содержания субъективного права следует признать возможность, которая, согласно точке зрения Н.И. Матузова, «выступает как взаимосвязь этих возможностей (элементов), их взаимное расположение и соподчинение, как форма

---

<sup>38</sup> См.: Назарова И.С. Экологические права личности: конституционно-правовое преломление // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9.

<sup>39</sup> См.: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 19.

организации содержания субъективного права, его внутреннего единства и строения»<sup>40</sup>.

Объединяя указанные элементы в содержании субъективного права, представляется возможным привести позицию М.С. Строговича о том, что субъективное право выражается в норме права, закрепляющей: возможность пользования конкретным социальным благом; полномочия совершать определенные действия и требовать такового от других лиц; установленную нормой права свободу поведения<sup>41</sup>.

Несколько иной, цельно-ориентированной концепции придерживается Н.И. Матузов, который в юридическое содержание субъективного права включает право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование<sup>42</sup>. При этом автор подчеркивает, что указанные элементы должны находиться во взаимосвязи и единстве всех правомочий.

С указанных позиций правомочие на пользование благом есть юридическая возможность и одновременно – правовое средство достижения положительного результата. Поэтому следует строго отграничивать правомочие на пользование благом и фактическое удовлетворение потребностей человека этим благом. Социальные блага, пользование которыми предусмотрено правами человека, весьма разнообразны, что порождает специфику содержания таких прав. Подтверждает указанную позицию тот факт, что формы, способы и стадии реализации каждого субъективного права определяются его сущностным наполнением<sup>43</sup>.

Акцентируя внимание на субъективных экологических правах, отметим, что каждому из них также присущи особенности юридического содержания. Так, непосредственно право на благоприятную окружающую среду раскрывается через правомочие каждого на благоприятное состояние окружающей среды (и экологии в целом) в целях достойного существования и развития. Причем возможность получения блага, закрепленного в данном праве, зависит как от самого

---

<sup>40</sup> Матузов Н.И. Правовая система и личность. – М., 1986. – С. 93.

<sup>41</sup> См.: Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. – М., 1966. – С. 168.

<sup>42</sup> См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. – М., 1986. – С.84.

<sup>43</sup> См.: Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 2004. – С. 34.

человека, так и от государства, в котором он находится, и от мирового сообщества, координирующего правовые процессы в сфере экологии.

В отличие от означенного выше, содержание права на достоверную информацию о состоянии окружающей среды отличается большим динамизмом и активностью, но некоторой ограниченностью. Так, чтобы получить достоверную информацию об интересующем экологическом вопросе чаще всего необходимо совершить ряд действий в рамках наличествующей возможности. А возможность в данном случае неодинакова, к примеру, для гражданина и не гражданина конкретного государства. Вопрос активности в данной ситуации также неоднозначен, ибо нередко информация соответствующего профиля (экологическая) поступает из средств массовой информации, где, в свою очередь, не всегда соблюдается критерий достоверности.

Содержание субъективного права на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, также обладает характерными особенностями. В частности, правомочие на реализацию данного права вытекает из фактического нарушения первого из указанных субъективных экологических прав. Нельзя сказать, что содержательно рассматриваемое право производно, однако некоторая степень стадийности здесь присутствует. Возможность как элемент данного права также неодинакова в объеме относительно статуса правообладателя субъекта.

Заметим, что применительно к содержанию субъективных экологических прав в целом присутствует элемент свободы поведения (выбора), регламентируемый различными положениями Базового закона государства и соответствующими международными стандартами. При этом, ориентируясь на юридическое содержание субъективных экологических прав как единого правового явления, нельзя не привести позицию М.И. Васильевой, согласно которой указанные права опосредуют специфические общественные отношения, которые не входят в предмет других основных прав в части «права-пользования», ибо объект пользования здесь (состояние окружающей среды) индивидуален и самостоятелен. При этом

правомочия, обозначаемые автором посредством категорий «право-поведение» и «право-требование», имеют собирательный характер и включают в качестве способов реализации иные субъективные права в зависимости от характера затрагиваемых общественных отношений. В данной связи субъективные экологические права приобретают содержательные признаки, характерные для иных категорий субъективных прав: личных (поскольку реализация экологических прав неотделима от индивида и его права на жизнь), социально-экономических (в случае компенсаций вреда населению экологически неблагоприятных территорий) и т.д.<sup>44</sup>

Уточним, что анализ правового содержания ст. 42 Конституции Российской Федерации с позиции закрепления в ней субъективных экологических прав дал основания интерпретировать их двояко: форма закрепления указывает на системное единство; содержание – на три обособленных элемента субъективных экологических прав. Такой подход следует признать оптимальным в целях наиболее полного отражения сущности субъективных экологических прав, а также их обеспечения со стороны государства.

Подтверждает указанную позицию мнение М.И. Васильевой, согласно которому «системообразующую роль выполняет конституционная норма, закрепляющая триединое право на благоприятную окружающую среду, в котором права на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, могут реализоваться как самостоятельные юридические возможности и одновременно относятся к содержательной стороне права на благоприятную окружающую среду»<sup>45</sup>.

Следует пояснить, что в каждом субъективном праве существуют два функциональных среза<sup>46</sup>. Первый состоит в том, что субъективное право закрепляет степень свободы, т.е. гарантирует субъекту

---

<sup>44</sup> См.: Васильева М.И. Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. – 2005. – № 1.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> См., напр.: Мельниченко Р.Г. Понятие и содержание права человека на юридическую помощь // Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики. – М., 2004. – С. 383.



определенное благо. Второй – само субъективное право нередко является гарантией реализации иных прав и свобод. Причем данные черты присутствуют в различных субъективных правах в неодинаковом объеме.

При этом субъективные экологические права, закрепленные в ст. 42 Конституции Российской Федерации, и в данном ключе имеют некоторые особенности. Так, указанные права выступают своеобразными гарантиями реальности и осуществимости непосредственно друг другу. По отношению же к ним в целом имеет место самостоятельная гарантия со стороны государства, выступающая в форме корреспондирующей указанным правам юридической обязанности, закрепленной в ст. 58 Конституции России.

Особо отметим, что форма осуществления субъективных прав непосредственно связана с особенностями их юридической природы и содержания. На этот счет в доктрине конституционного права существует две основные позиции, согласно которым указанные права реализуются либо в рамках правоотношений, либо вне их пределов<sup>47</sup>. Наиболее приемлемой представляется точка зрения о том, что права человека осуществляются только в рамках правоотношений<sup>48</sup>, которые и являются формой такого осуществления. При этом «конституционные» правоотношения обладают своей спецификой, ибо их возникновение напрямую связано с принятием Основного закона государства<sup>49</sup>.

Так, Ф.М. Рудинский рассматривает правоотношения, в которых реализуются права человека, как общие: «На первой стадии эти права существуют в рамках общих правоотношений типа «государство – гражданин». На второй и третьей стадиях они конкретизируются в рамках отраслевых правоотношений»<sup>50</sup>. То есть, правоотношения фактически подразделяются на общие и конкретные. При этом, как отмечают отдельные авторы, общие правоотношения по сравнению с конкретными выражают юридические связи между государством и гражданами более высокого уровня, а также граждан между собой

---

<sup>47</sup> См., напр.: Лифшиц Р.З. Теория права. – М., 1994. – С. 137.

<sup>48</sup> См.: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 32.

<sup>49</sup> См.: Матузов Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 14.

<sup>50</sup> Рудинский Ф.М. Гражданские права человека (общетеоретические вопросы) // Право и жизнь. – 2000. – № 31. – С. 78.

относительно гарантирования и осуществления основных прав и свобод личности, выполнения соответствующих обязанностей. При этом данные отношения выступают базовыми для отраслевых правоотношений<sup>51</sup>.

По нашему мнению, субъективные экологические права могут быть реализованы как в рамках общих, так и конкретных правоотношений. К примеру, субъективное право на благоприятную окружающую среду осуществляется в рамках общих правоотношений, ибо непосредственной связи с отраслевым законодательством не имеет. Иные субъективные экологические права осуществляются в большей степени в рамках конкретных правоотношений, требующих наличие определенных юридических оснований для их возникновения. В целом присоединимся к мнению о том, что общие правоотношения выполняют важную роль в механизме правового регулирования и выступают и средством, и формой реализации права<sup>52</sup>, являясь основой для конкретных правоотношений.

С учетом вышеизложенного, представляется возможным сформулировать понятие исследуемой категории прав с позиций их структурно-содержательных особенностей. В данной связи под субъективными экологическими правами предлагается понимать международно-признанную и конституционно-обусловленную меру возможного поведения человека в экологических правоотношениях, адекватную специфике их содержания и структуры.

---

<sup>51</sup> См.: Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 1997. – С. 478.

<sup>52</sup> См.: Федорова Л.Н. Механизм юридических гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дисс. ... к.ю.н. – Москва, 2007. – С. 33.